

можно объяснить только тем, что она уже была густо заселена в это время. Братья уже вперед делили между собой «все города русские»: Ярославу должен был достаться Великий Новгород, Смоленск — Святославу, Киев — Ольговичам, а Юрию, сверх великого княжения, — Ростов и Галицкая земля. Следует отметить, что здесь «Русская земля» и «русские города» понимаются в самых широких пределах и что Новгородская, Смоленская и Галицкая земля должны были быть в руках братьев Всеволодичей, — это ясное стремление к объединению Русской земли с северо-востока.

Ярослав, надменный и мстительный (по словам Н. М. Карамзина), не хотел слушать предложений о мире. Он убеждал свою дружину: «Се пришел товар в руки. Аще и золотом шито оплечье будет, то убей», а послам Константина и Мстислава ответил: «Вы теперь как рыба на песке; зашли далеко и видите беду неминуемую». Интересны эти краткие, эпические его слова, сохраненные летописью.

Однако не помогли ему ни его «величавость», ни его войско в 13 стягов. В кровопролитной сече 22 апреля Юрий и Ярослав были разбиты наголову. Ярослав потерял золоченый шлем, найденный через 600 лет на поле битвы, и едва прискакал в свой Переяславль на пятом коне, «а четырех задушил». «Еще бо не насытился бе крови: изыма новгородцев и смольнян иже бяху зашли гостьбою, и повеле им вметати в погреб, и издуши их 150 человек», — говорит не расположенная к нему Ипатьевская летопись.

Мстислав Удалой подошел к Переяславу с предложением мира, но потребовал свою дочь, «не желая, чтобы она жила с князем столь жестокосердым» (Карамзин). Однако Ярослав проявил сильное чувство, он «многажды сылал с мольбою к Мстиславу, прося своей княгини; князь же Мстислав не дасть ему», увез дочь и добился развода.

Побежденные Юрий и Ярослав должны были признать старейшинство Константина, причем Ярослав ударил ему челом со словами: «Брате, накорми мя хлебом», т. е. дай мне власть. Интересно, что челобитие и понятие «кормления» отмечены здесь задолго до московской эпохи. Константин оставил Ярославу его Переяславль-Залесский.

В 1218 г. умер болезненный Константин, и Юрий опять стал великим князем, уже по праву наследства. Тогда повысилось значение Ярослава, женившегося в том же году на рязанской княжне Феодосии, подарившей ему через два года сына Александра (отметим это имя, несомненно навеянное романом об Александре Македонском). В 1219 г. Ярослав по просьбе князя Ингваря Рязанского послал свои полки в степь против половцев. В следующем году он вместе с братом Юрием участвует в большом походе князей против камских болгар, перед тем взявших даже с бою Устюг.

В 1222 г. новгородцы, обеспокоенные наступлением немецких рыцарей и литовцев, призвали к себе воинственного Ярослава, «забыв свою прежнюю, отчасти справедливую ненависть к нему» (Карамзин). Он согласился «княжить у них на Новеграде по их воле новгородской изстаринной». Опираясь на свою храбрую переяславскую дружину, Ярослав деятельно отстаивает Новгород, в то время как Мстислав Удалой продолжает свои бесполезные подвиги в Галиче и на Калке.

Прежде всего Ярослав выгнал литовцев из южных пределов Новгородской и Торопецкой волостей и гнал их до Усвята. Затем он решил защитить ливь и чудь (эстонцев), утесняемых немцами и датским королем Вольдемаром II. С двадцатитысячным войском он вступил в Ливонию как освободитель: жители встречали его с радостью и в Юрьеве, и в Медвежьей Голове (Оденпе). Он хотел идти походом на Ригу, но чудские послы с о. Эзеля просили его повернуть в Эстонию. Близ Вельяна (Феллин) он